

Цзян Чжо всё это время наблюдал за ним. Пронзив его мечом в самом начале, он заметил, что рана не затягивается, и догадался, что эта причудливая техника возрождения наверняка применима лишь к смертельным точкам. А когда Цзин Юй попытался помешать Ли Юнъюаню сотворить заклинание, закрыв небо черным туманом, Цзян Чжо подумал: раз этот туман клубится, его, пожалуй, удастся отвлечь хитростью. Сперва Цзян Чжо испытал врага Вытягиванием Лезвия, затем потревожил внимание Цзин Юя Разрывом Шума и в конце концов подарил Ли Юнъюаню шанс.

Потерпев неудачу, Цзин Юй уже не выглядел столь невозмутимым. Он страхнул с обеих рук кровь и усмехнулся:

— Хорошо же! Вы напали с двух сторон, и сработались на редкость слаженно. Если бы сюда заглянул кто-нибудь посторонний, то решил бы, что вы двое и впрямь настоящие наставник и ученик.

Ли Юнъюань слегка наклонил клинок, в холодном сиянии которого отразились его глаза, и язвительно бросил:

— И то верно. Все живые существа в Поднебесной берут начало от Цзюму, так что все мы, кланы и секты, по сути, одна семья. То ли дело ты — кажешься сиротой без учителей, даже различить добро и зло не умеешь!

Цзин Юй погладил себя по подбородку:

— Старший, вы и впрямь выходец из именитой и праведной сектантской семьи, даже ругаетесь красиво. Впрочем, этот ваш Разрыв Шума грянул так громко, что непременно потревожит Секту Костей Грома. Как быть, если сюда явится Ли Сянлин?

Ли Юнъюань оборвал его:

— Хватит пустых слов, принимай удар мечом!

Цзин Юй отступил, уклоняясь:

— Стоит мне упомянуть Ли Сянлина, как вы тут же суетитесь. Уж не боитесь ли вы...

Ли Юнъюань рявкнул:

— Цзинчуань!

Цзинчуань — это третье заклинание из Трёх Заклинаний Призыва Грома, но он выкрикнул его не вовремя: густой черный туман застилал всё вокруг, и Цзин Юй вовсе не собирался давать ему возможность призвать грозу. Заклинание сорвалось, и Цзин Юй решил перехватить инициативу. Он быстро пробормотал три заклинания подряд, но при опыте и стали Ли Юнъюаня тот не узнал ни единого!

Стоило прозвучать этим трем заклинаниям, как у Ли Юньюаня, неизвестно почему, кольнуло в груди, и его снова вырвало кровью. Рука, сжимавшая меч, задрожала. Видя, что Цзин Юй надвигается вплотную, он сложил два пальца вместе и провел ими по лезвию:

— Прорыв Панциря!

Это было Заклинание Оружия, произносить которое вслух вовсе не требовалось; он сделал это намеренно, словно зачитывая заклинание, лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза. И правда, Цзин Юй на мгновение засомневался, а клинок Ли Юньюаня тут же со звоном огласил округу мощным гудением и исторг ослепительную фиолетовую вспышку, истребившую весь черный туман. Когда Цзин Юй снова открыл глаза, Цзян Чжо уже уносил Ли Юньюаня на спине, стремительно скрываясь в ночной мгле.

Цзин Юй хмыкнул:

— Дружок, неужто ты думаешь, что сумеешь сбежать?

Цзян Чжо раз за разом применял Исполнение Приказа, прорываясь сквозь чашу. Ветки и листья с обеих сторон безумно хлестали его по лицу, но он не смел сбавить скорость ни на мгновение — ему казалось, что у него не хватает еще одного рта, лишь бы бежать еще быстрее!

Ли Юньюаня продолжало рвать кровью. Его всего сильно трясло, казалось, он терпел невыносимую боль, разрывающую сердце, и был не в силах вымолвить ни слова.

Цзян Чжо не успевал взглянуть на Коралловую Подвеску, оставалось лишь нестись вперед полагаясь на одно лишь чутье. Ночной ветер свистел в ушах; он никогда еще не бегал так быстро, но Цзин Юй преследовал их по пятам, и оторваться не получалось никак. Впереди простиралась непроглядная тьма, казавшаяся бесконечной. Словно кошка, играющая с мышкой, Цзин Юй самоуверенно бросил вдогонку:

— Дружок, как тебя звать? Давай подружimsя...

Произнеся это, он резко взмахнул рукавом, запуская несколько косм черного тумана, чтобы сдернуть Ли Юньюаня со спины Цзян Чжо. Словно предчувствуя неладное, Цзян Чжо наступил на развилку ветвей, присел и, скользнув вниз на землю, продолжил безумный бег.

Цзин Юй вовсе не собирался отпускать Цзян Чжо: все те слова, что он говорил Ли Юньюаню чуть ранее, были лишь притворством. Раз уж он творил здесь зло и убивал, как он мог позволить Цзян Чжо уйти живым? Ли Юньюань разгадал его замысел, а потому нарочно заговорил о Ши Ицзюне и узорах Огненной Рыбы, надеясь, что Цзин Юй постесняется громкого имени Секты Пошо и не станет трогать Цзян Чжо.

Мысли Цзян Чжо лихорадочно метались. Внезапно он отступил к стволу дерева и крикнул:

— Брат Рыба! Если ты будешь преследовать меня по пятам, что ты станешь делать, когда сюда придет мой Учитель?

Цзин Юй обладал поразительной проницательностью и давным-давно разглядел Цзян Чжо:

— Дружок, не пытайся меня одурачить. В таком наряде, как у тебя сегодня, на одеждах никакой огненной рыбы не вышито.

Цзян Чжо действительно снял Одевание Огненной Рыбы при входе в город. Сохраняя невозмутимый вид, он крепко ухватился за обшлаг рукава:

— О? Выходит, ты не знал: у нас в Секте Пошо узоры огненной рыбы вовсе не обязательно вышивают с внешней стороны. Раз уж ты так в этом уверен, я сейчас же разорву одну из них, чтобы ты взглянул.

Видя, что тот улыбается и держится совершенно непринужденно — совсем не так, как обычные ученики, постигшие духовную связь, а скорее с видом человека, которому всё нипочем, — Цзин Юй за несколько мгновений передумал.

— Ты всем сердцем предан этому «второму человеку в Поднебесной», но откуда тебе знать, что вокруг меня раскинута сеть ловушек, и без моего пароля отсюда никто не выйдет? Даже если твой Учитель явится, он вовсе не обязательно тебя отыщет. Впрочем, дружок, я вовсе не кровожаден. Отдай мне Ли Юньюаня, и я позволю тебе уйти.

Цзян Чжо потребовал:

— Дай мне клятву.

Цзин Юй тут же поднял руку:

— Клянусь собственной жизнью, что только что сказанное — чистая правда.

Цзян Чжо вроде бы смягчился и позволил ему приблизиться. Когда тот подошел к дереву, их взгляды встретились — и в обоих плескалась убийственная ненависть.

Цзин Юй процедил:

— Маленький ублюдок, Посланник!

Призрачные тени мгновенно окружили Цзян Чжо, но бумага с талисманом, спрятанная в его рукаве, уже ярко вспыхнула. Ударив ею о землю, он очертил вокруг Цзин Юя Заклинание Тюрьмы-Рисунка.

Цзян Чжо выпалил:

— Исполнение Приказа, Исполнение Приказа, Исполнение Приказа!

Едва замолкли слова, как он уже в мгновение ока переместился на несколько ли прочь. Шум стремительной воды подсказал, что неподалеку журчит река. Кто бы мог подумать, что Цзин

Юй обладал чудовищной силой: он в один миг растоптал призрачный круг Заклинания Тюрьмы-Рисунка, обратился в туман и в тот же миг настиг Цзян Чжо сзади.

— Куда побежал?! — он отвесил ему мощный удар ладонью. — Я помогу тебе преодолеть путь!

У Цзян Чжо за спиной был раненый, увернуться он не мог, а потому резко развернулся, выставил меч и применил прием «Безупречный». Кто бы знал, что Цзин Юй, разрубленный надвое, тут же восстановится и среди бушующего Кармического Огня нанесет жестокий удар ладонью прямо в грудь Цзян Чжо!

В этот миг грудь Цзян Чжо пронзила острая боль, словно внутренности сотрясло до самого основания. Внутри бушевала стихия, и изо рта хлынула кровь. Цзин Юй во что бы то ни стало жаждал его смерти и уже занес ладонь для второго удара! Но Цзян Чжо только этого и ждал: воспользовавшись моментом, когда Цзин Юй нанес удар, он ответил обратным захватом и вонзил Меч Буцзин прямо тому в живот.

Цзин Юй одобрительно хмыкнул:

— Какая отвага!

Однако призрачные тени посланника уже подросли. Со всех сторон раздался свирепый завывающий вой зловещего ветра. Ноша за спиной Цзян Чжо вмиг полегчала — Ли Юньюаня оттащили в сторону. Следом за этим обе его руки резко отяжелели, будто их опутало что-то невидимое.

— Отличный росток, жаль только... — скрываясь под покровом черного тумана, Цзин Юй вогнал в тело Цзян Чжо четыре Иглы, Фиксирующие Кости. — Оставить тебя в живых я не могу!

Удар вышел колоссальной силы, и Цзян Чжо рухнул прямо в бурные воды реки.

Плюх!

Фигуру Цзян Чжо тут же поглотили неистовствующие речные валы. Бурные волны неслись вперед, его сознание постепенно мерхло, а затем он погрузился в абсолютную темноту...

Спустя долгое время Цзян Чжо очнулся от настойчивой покалывающей боли. Ни реки, ни Цзин Юя поблизости не оказалось — он лежал в какой-то пещере, погруженной в полумрак.

Кап-кап...

Кроме падающих капель воды, в пещере не раздавалось ни звука. Цзян Чжо попытался приподняться, но почувствовал, что тело налилось свинцовой слабостью и не слушается —

даже пальцем пошевелить не получалось. Догадавшись, что дело в Иглах, Фиксирующих Кости, он хрипло позвал:

— Тайфэн.

И предчувствие его не обмануло: духовная энергия и силы внутри тела никак не откликнулись, будучи полностью запечатанными иглами. Неудивительно, что Цзин Юй прекратил погоню: он отлично знал свойства игл и был уверен, что свалившийся в реку Цзян Чжо непременно погибнет.

Цзян Чжо хотелось сделать глубокий вдох, но из-за жуткой боли это давалось с трудом. Неизвестно было, из чего вообще смастерили эти иглы, но вонзившиеся в тело ледяные шипы пробирали холодом до самых костей, накатывая волнами так, что хотелось выть от боли.

— Тебе больно?

Глас раздался сбоку — совсем близко. Цзян Чжо испуганно вздрогнул, никак не ожидая встретить здесь кого-то еще! Повернув голову, он разглядел лишь каменную стену и выдавил из себя улыбку:

— Не больно, я не боюсь боли. Кто ты? Это ты меня спас?

Собеседник глухо отозвался:

— М-м. Ты плыл по реке, это было слишком опасно.

Цзян Чжо проговорил:

— Премного благодарен, я свалился туда по неосторожности. Ты часто вылавливаешь людей из реки?

Не зная, кто скрывается перед ним, он не смел упоминать ни Цзин Юя, ни Секту Костей Грома. Во времена междоусобных войн в Шести Провинциях вражды между сектами хватало с избытком, и если бы ему не посчастливилось столкнуться с заклиным недругом Секты Костей Грома, в своем нынешнем состоянии он оказался бы полностью во власти чужой милости.

Помолчав немного, собеседник неторопливо произнес:

— Не часто. Я выловил только тебя.

Цзян Чжо подумал: и верно, кому еще уготовано быть столь же невезучим? А тот сумасшедший пёс Цзин Юй, преследовавший Ли Юньюаня по пятам, наверняка приберег козыри в рукаве. Оставалось лишь уповать на то, что Секта Костей Грома, заметив ту самую вспышку Разрыва Шума, поспешит выручить Ли Юньюаня.

От этих мыслей тело снова пронзила острая боль. Стараясь отвлечься, Цзян Чжо обратился к незнакомцу:

— Старший, великая благодать не требует слов благодарности...

Кто же знал, что тот оборвет его:

— Нельзя называть меня старшим.

Цзян Чжо сменил обращение:

— Тогда... благодетель...

Собеседник снова возразил:

— И благодетелем тоже нельзя.

Станный какой-то: о себе ни слова, зато требований уйма. Цзян Чжо, несмотря на боль, искренне позабавился этой ситуации:

— И старшим нельзя, и благодетелем нельзя. Тогда как мне звать тебя? Герой, пожалуй?

Тот ответил:

— Плохо. Всё не то.

Цзян Чжо удивился:

— Всё не то? Почему же?

Собеседник пояснил:

— Ты так же зовешь и других. Я не хочу быть как все.

Цзян Чжо издал удивленный звук и слегка приподнял брови:

— Ты сказал «тоже». Неужели слышал это своими ушами? Или мы встречались раньше?

Тон собеседника был ленивым:

— Я угадал.

Цзян Чжо поверил наполовину:

— Я действительно частенько так величаю людей. Раз уж тебе ничего не по нраву, как бы ты хотел, чтобы я тебя звал?

Тот ответил:

— Придумай сам.

Цзян Чжо вздохнул:

— Мне ничего не приходит на ум. Я даже не знаю твоего имени. Что, если я снова назову тебя так, как тебе не понравится?

Собеседник бросил:

— Лишь бы не как других, мне всё придется по душе.

При всей своей кажущейся беспечности язык у него был за зубами накрепко. Как ни пытался Цзян Чжо прощупать почву разговором, собеседник не выдал о себе ни единой крупинки сведений. Цзян Чжо еще не встречал столь загадочных людей и чувствовал, как любопытство разгорается с новой силой:

— Ты живешь в соседней...

Не успел он договорить, как Иглы, Фиксирующие Кости, словно взбесившись, причинили ему новую вспышку невыносимой боли. Цзян Чжо резко перехватил дыхание: в груди всколыхнулась удушливая волна, и он, не сдержавшись, отвернулся и шумно выплеснул полный рот крови!

Незнакомец тут же обеспокоенно спросил:

— Ты заболел?

Ощувив во рту привкус крови, Цзян Чжо через силу напустил на себя бодрый вид:

— Я не болен. Просто когда падал, сломал пару костей, пару дней — и всё срастется. Ты испугался?

Тот промолчал. Цзян Чжо вдруг вспомнил об одной детали: раз этот человек вытащил его из воды, он не мог не видеть его полумертвого состояния, так почему же по его словам выходило, будто он вовсе не знает о его ранениях?

Пока он предавался сомнениям, до его слуха донеслось легкое шуршание. Взглянув туда, Цзян Чжо заметил, что в каменной стенке перед ним невесть откуда образовалось небольшое отверстие, из которого в его сторону протянулась изящная, чистая и тонкая рука с отчетливо проступающими суставами.

Цзян Чжо поинтересовался:

— Что это?

Ладонь раскрылась, являя крошечный золотистый плод. На какое-то время оба затихли. Не дождавшись, пока Цзян Чжо возьмет угощение, незнакомец чуть сжал пальцы, уронив толику своей неторопливости, и тихо спросил:

— Тебе не нравится?

Из-за игл конечности Цзян Чжо временно утратили подвижность, и ему с трудом давался даже поворот головы, не говоря уже о том, чтобы протянуть руку. Уставившись в потолок пещеры, он раздумывал, что на это ответить. Поскольку раздумья затянулись, собеседник вновь подал голос:

— Ты ненавидишь меня?

Цзян Чжо покачал головой:

— Нет, вовсе не ненавижу... Просто я не могу пошевелиться.

Тот рассудил:

— Все люди должны есть. Я покормлю тебя.

С этими словами рука чуть качнулась, поднося фрукт прямо к губам Цзян Чжо. То ли из-за боли, то ли по иной причине, но он проголодался. Подумав, что терять ему всё равно нечего, — умрет так умрет, — лучше хотя бы наесться досыта, он послушно приоткрыл рот и надкусил плод.

Фрукт оказался крошечным и исчез всего за пару укусов. Цзян Чжо ел настолько торопливо, что зажал зубами даже косточку, но незнакомец тотчас предостерег:

— Ее нельзя есть.

Цзян Чжо пробормотал:

— Тогда я выплюну.

Незнакомец просунул в отверстие пальцы, легонько зажал подбородок Цзян Чжо, а затем большими и указательным пальцами аккуратно забрался ему в рот и извлек косточку наружу.

Цзян Чжо тихо шикнул, слегка подвернув кончик языка:

— Ты случаем не болен? У тебя такие горячие пальцы.

Рука уже скрылась обратно. Из-за царившего вокруг мрака Цзян Чжо не видел ничего, кроме возможности слышать чужой вопрос:

— Мое тепло причинило тебе боль?

Плод обладал удивительным целебным свойством: стоило его проглотить, как бушующие внутри силы заметно утихли. Переведя дух, Цзян Чжо счел вопрос странным:

— Вовсе нет. Ты просто горячее меня, но до боли здесь далеко.

Одежда незнакомца зашуршала — похоже, он рассматривал собственную руку:

— Вот и хорошо, я тоже только что привык...

Цзян Чжо спросил:

— К чему привык?

Тот ответил:

— Привык к тебе.

Цзян Чжо предположил:

— Ты всегда живешь здесь, совсем один?

— Один, — подтвердил собеседник.

Немного приободрившись, Цзян Чжо оглядел пещеру и понял, что она на редкость тесная и маленькая, словно чья-то внутренняя усыпальница. В его голове внезапно шевельнулась жуткая догадка: здесь нет ни света, ни ветерка, неужто это герметичный каменный гроб? Но если гроб закрытый, то как же он сам сюда угодил?

Собеседник поинтересовался:

— О чем ты думаешь?

— О тебе, — честно признался Цзян Чжо.

Помолчав мгновение, тот снова протянул короткое «м-м», словно прекрасно понимая, что у этой фразы должно быть продолжение, но всё же оставшись довольным услышанным:

— И что же ты думаешь обо мне?

Его голос звучал негромко — то ли намеренно приглушенный, то ли нет, но сейчас в вопросе сквозила полнейшая искренность, такая же неподдельная, какая прозвучала в прежнем «Ты ненавидишь меня?».

Цзян Чжо вздохнул:

— Я думаю о том, как тебе удалось меня выловить?

На следующий день он вступил в сообщество [прим. переводчика: вход на платформу платный/статус VIP]...

Спасибо за чтение! Из-за этого обновление такое скудное.

(кланяется и бормочет)

Меч Буцзин (часть 4)

Собеседник произнес:

— Ты такой легкий, вытащить тебя было несложно.

Цзян Чжо слабо улыбнулся, его тон сочился беспомощной иронией:

— Ну и хитрец же ты в речах. Вытащить меня, пожалуй, нетрудно, трудно — затащить внутрь. Если я не ошибаюсь, ты ведь не можешь свободно покидать эту пещеру?

Собеседник ответил его же вздохом:

— Какой же ты умный. И верно, я не могу просто так выйти отсюда.

Цзян Чжо задал вопрос:

— Кто ты? Человек или горный дух, лесной оборотень?

Одежды собеседника вновь зашуршали — похоже, он сменил позу. Из-за каменной стены донеслось несколько смешков:

— Задавая мне такие вопросы, ты совсем не боишься меня разозлить?

Цзян Чжо поспешил подхватить:

— А ты разозлился?

Его голос звучал слегка хрипло, но даже оказавшись в столь плачевном положении, он сохранял присущую ему лихую беспечность, словно был готов сломать себе еще пару костей, лишь бы не лишаться этого шарма.

Тот откликнулся:

— Разозлился.

— На что же?

— На то, что снаружи ты точно так же болтаешь с кем попало.

Цзян Чжо принял чуточку более серьезный вид, хотя в глазах все еще плескалось лукавство:

— Вовсе нет. Не каждый ведь станет меня спасать и кормить фруктами.

Он говорил правду: при всей своей развязанности он вел себя так далеко не с каждым. Поразмыслив немного, он искренне добавил:

— Я только что сломал несколько костей и лежу здесь совершенно подавленный. Если бы я лишился еще и своего задора с бравадой, разве не стал бы совсем жалок? К тому же ты такой добрый и охотно болтаешь со мной, я...

Собеседник подтолкнул:

— Ты что?

Цзян Чжо проявил редкую откровенность:

— Мне очень нравится.

Стоило ему произнести это, как температура в пещере, казалось, повысилась, а в воздухе повеяло едва уловимым ароматом... Цзян Чжо находился совсем близко к каменной стене; хоть он и не прижимался к ней вплотную, но отчетливо ощущал исходящий жар. Беспокоясь за соседа, он спросил:

— Что с тобой?

Ответа не последовало. Среди наступившей тишины маленькое отверстие внезапно чем-то заложили.

Не понимая в чем дело, Цзян Чжо наклонил голову, стараясь приблизиться к стене еще сильнее:

— Друг мой... тебе жарко? Ты так и не ответил, ты заболел?

Спустя долгое время собеседник тихо вздохнул:

— Не забивай голову.

Цзян Чжо почуял неладное:

— Тебе больно?

Тот хранил молчание.

Подозревая, что поднявшаяся в пещере температура связана с недомоганием соседа, хотя

причины оставались загадкой, Цзян Чжо предложил:

— Хочешь, я одолжу тебе свой меч?

Меч Бунцин был выкован из Ледяной Стали Северной Цапли, а на его ножны нанесены защитные руны. Стоило прижать его к груди, как в сочетании с Заклинанием Оружия он начинал изгонять зной и нечистую силу.

Помолчав еще немного, незнакомец вдруг бросил:

— Не нужно. Ты хоть знаешь, кто я такой? И все равно смеешь отдавать мне меч... Дурак... Настоящий дурак!

Цзян Чжо возразил:

— Кто бы ты ни был, отдав тебе меч, я же не перестану быть собой, неужто ты меня съешь? Хватит уже упорствовать.

Собеседник упрямо молчал, судя по всему, его и впрямь охватил сильный жар. Цзян Чжо улавливал лишь его сбивчивое дыхание — то глухое, то прерывистое, — боясь пропустить хоть звук. Из-за этого перерыва беседа увяла, и сколько бы Цзян Чжо ни звал его после, ответа не было. Позднее Иглы, Фиксирующие Кости, дали о себе знать во второй раз, но из-за стоявшего в пещере сильного жара боль оказалась не столь невыносимой, как в первый. Тем не менее, растратив последние силы, Цзян Чжо, пролежав в полумраке около получаса, снова забылся тяжелым сном.

Очнувшись вновь, он обнаружил, что в пещере водворилась тишь да гладь. Бросив взгляд в сторону, он заметил, что маленькое отверстие снова открыто, и услышал:

— Ешь.

Перед ним снова возникла золотая ягода.

Колеблясь, Цзян Чжо произнес:

— Сколько у тебя их? Я уже съел одну, пока не голоден.

Собеседник поднес фрукт ближе к его губам:

— У меня их много.

Цзян Чжо больше не стал церемониться: как и в прошлый раз, расправился с ягодой в несколько укусов. Только на сей раз ждать, пока тот протянет пальцы, не потребовалось — он сам кончиком языка вытолкнул косточку наружу, возвращая хозяину. Спустя мгновение рука появилась вновь, но на сей раз меж пальцев покоился зеленый лист.

Цзян Чжо уточнил:

— Это мне поесть?

Тот пояснил:

— Пить.

Оказалось, что листик был слегка вогнутым и в нем плескалась чистая вода. В отличие от фрукта, воду было куда проще расплескать, не попади он в цель с первого раза. Шаря вслепую, пальцы незнакомого спасителя сперва коснулись щеки Цзян Чжо.

Цзян Чжо подсказал:

— Мимо, это щека.

Длинные пальцы чуть согнулись, будто в нерешительности, и скользнули к его губам. Цзян Чжо приоткрыл рот, прикусив край листа, а чужие пальцы вновь зафиксировали его подбородок, предостерегающе шепнув:

— Не кусай, это тоже нельзя есть.

Капли воды медленно скатились в рот, оставляя ощущение прохладной сладости. Незнакомые пальцы касались его чересчур дерзко, а от исходящего от них жара Цзян Чжо едва вновь не зашипел сквозь зубы. Его кадык дернулся при медленном глотке, а горячее дыхание оевало чужие пальцы, заставляя замирать прямо на ладони.

Оставшаяся вода неожиданно пролилась.

Тот осведомился:

— Будешь еще?

Цзян Чжо пристально всмотрелся в ту руку: она умела держать меч — да что угодно, любое оружие смотрелось бы в ней прекрасно, — вот только была невыносимо горячей, и когда подушечки пальцев касались его подбородка, казалось, что жар только усиливается. Заметив, вероятно, что Цзян Чжо смотрит слишком долго, собеседник перевернул лист обратной стороной и прикрыл им глаза Цзян Чжо.

— Не смотри на меня.

Пойманный с поличным, Цзян Чжо даже не подумал оправдываться. Уголки его губ тронула легкая улыбка:

— Зову тебя — тебе не нравится, смотрю на тебя — тебе тоже не по нраву. Ты что, меня

ненавидишь?

Указательный палец незнакомца слегка приподнялся, невесомо очертив внешний угол глаза Цзян Чжо, будто блуждая впотьмах. Спустя долгое время он большим пальцем смахнул капли воды, оставшиеся в уголке губ Цзян Чжо, и вместо ответа задал свой вопрос:

— Ты все еще тоскуешь сегодня?

Цзян Чжо признался:

— Чуть-чуть. Тело совершенно не слушается... Ты когда-нибудь слышал об Иглах, Фиксирующих Кости?

Тот покачал головой:

— Впервые слышу.

Цзян Чжо вздохнул:

— И то верно, я и сам прежде едва улавливал это название.

Убрав лист, собеседник словно бы о чем-то догадался:

— Ты оттого и мучаешься, что поражен этими иглами? Они запечатывают духовную силу?

<http://bllate.org/book/19195/1885298>